

**ВЫЖИВШИЙ
ИТАН МИЛЛЕР**
ПАВЕЛ ШУМИЛКИН

18+

Выживший

Павел Шумилкин

Выживший: Итан Миллер

«Автор»

2026

Шумилкин П.

Выживший: Итан Миллер / П. Шумилкин — «Автор»,
2026 — (Выживший)

Он пошёл в армию, потому что не знал, куда ещё деться. Он был слишком мягким, слишком сентиментальным. Но когда мир рухнул, когда вместо людей по улицам ходили твари, когда каждый день стал боем, Итан Миллер начал меняться. Он потерял дом, семью, всех, кого любил. Но он не сломался. Он строил стены, когда другие прятались. Он вёл людей, когда другие бежали. Эта книга — не просто история о зомби и войне. Это история о том, как человек становится тем, кем должен быть.

© Шумилкин П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПЕРВЫЙ ШАГ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ. ГЛУХАЯ ТИШИНА	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Павел Шумилкин

Выживший: Итан Миллер

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПЕРВЫЙ ШАГ

Утро было серым, сырым, с тяжёлым, свинцовым небом, которое, казалось, давило на плечи. Полигон пах мокрой травой, бензином и чем-то металлическим — запахом, который Итан Миллер запомнит на всю жизнь. Он стоял в строю, чувствуя, как новая, ещё не разношенная форма натирает шею, как ремень давит на живот, а ботинки, которые ему выдали накануне, казались сделанными из бетона.

Он провёл рукой по голове. Подстриженный под ноль, он почти не узнавал себя в отражении, когда утром смотрел в мутное зеркало казармы. Кожа на затылке была бледной, непривычно открытой ветру. Он казался себе чужим. Худым, нескладным, с вечно сбившимися шнурками — которые он, кстати, снова забыл завязать как следует. Он вообще много чего забывал: где оставил зажигалку, как зовут соседа по койке, какое сегодня число. Всё путалось в голове, смешивалось в одну беспорядочную кашу.

Рядом стояли такие же, как он. Молодые парни, кто-то с испуганными глазами, кто-то, наоборот, с вызывающим прищуром. Все в одинаковой форме, все с одинаковыми стрижками, все — свежие, как только что посаженные саженцы, которые ещё не знают, что их ждёт засуха или буря. Итан оглядел их и почувствовал, как внутри него что-то сжимается. Он был слишком добрым для этого места. Слишком мягким. Слишком сентиментальным. Он знал это, но ничего не мог с собой поделать.

На плац вышел сержант. Коренастый, с лицом, вырезанным из гранита, и голосом, который, казалось, мог разбудить мёртвых. Он остановился перед строем, окинул их взглядом, и на его губах появилась кривая, почти хищная усмешка. Рядом с ним, чуть сзади, стоял высокий, сухощавый мужчина с жёсткими чертами лица и глазами, в которых читалась какая-то древняя, невыносимая усталость. Его звали Картер. Он был старше сержанта, и в его осанке чувствовалась другая власть — власть, которая не нуждается в крике.

Сержант начал говорить. О долге. О чести. О том, что они теперь — часть великой машины, которая защищает страну. Итан слушал, но слова пролетали мимо, как ветер. Он думал о том, как его мать плакала, когда он уходил. О том, как его младшая сестра обняла его на прощание и прошептала: «Ты справишься». Он сжал челюсти, чтобы не разреветься, и усталился вперёд, стараясь не думать о том, что его ждёт.

Потом сержант выкрикнул несколько команд, и строй распался. Людей разбили на группы. Кто-то пошёл на стрельбище, кто-то — на полосу препятствий. Итана и ещё нескольких новичков направили к Картеру. Тот стоял неподвижно, скрестив руки на груди, и изучал их так, будто они были экспонатами в музее.

— Вы — моя группа, — сказал Картер, и голос его был низким, спокойным, без привычных для сержантов криков. — Я не буду кричать на вас. Но я буду требовать. Каждый день. Каждый час. Если вы не справитесь — вы уйдёте. Если справитесь — вы станете солдатами.

Итан смотрел на него и чувствовал, как страх, смешанный с уважением, медленно заполняет его грудь. Он не знал, что будет завтра. Он не знал, что будет через месяц. Но он знал, что стоит здесь, и что этот день изменит его навсегда.

Первый месяц превратился для Итана в бесконечную череду серых, одинаковых дней, которые сливались в один длинный, изматывающий поток. Он просыпался по сирене — резкой, пронзительной, врывающейся в сон как удар — и уже через минуту стоял в строю, чувствуя, как глаза слипаются, а тело требует ещё хотя бы пяти минут покоя.

Автомат оказался тяжелее, чем он думал. Когда он впервые взял его в руки, тот показался ему куском холодного, бездушного металла, который не имел ничего общего с ним. На стрельбище, когда он нажал на спуск, отдача ударила в плечо с такой силой, что он чуть не выронил оружие. Боль была острой, непривычной — она отдавалась в ключице и заставляла его морщиться каждый раз, когда он снова брался за автомат. Он учился держать его правильно, прижимать к плечу, чтобы удар был мягче, но первые недели плечо ныло даже по ночам, напоминая о каждом неудачном выстреле.

Он постоянно был невыспавшимся. Сон урывками, по четыре-пять часов в сутки, не давал организму восстановиться, и он ходил как в тумане, иногда путая лево и право, иногда забывая, какую команду он должен выполнить. Его постоянно одёргивали, поправляли, иногда кричали, но он не обижался — он просто пытался запомнить, чтобы не повторить ошибку.

Но была и другая сторона. Он ел три раза в день. Настоящую еду — горячую, сытную, от которой в животе разливалось приятное тепло. В прошлой жизни он мог пропустить завтрак, перекусить чем попало в обед и забыть про ужин. Здесь всё было по расписанию, и это давало ему странное чувство стабильности. Он не был голоден. Он не думал о еде — она просто была, и это казалось почти роскошью.

Картер оказался тем, кого Итан не мог понять до конца. Он не кричал, не бил кулаком по столу, не унижал новобранцев — как это делали другие инструкторы. Он говорил тихо, ровно, и каждое его слово звучало так, будто он решал судьбу. Его тренировки были длиннее, тяжелее, и он требовал от них большего, чем кто-либо другой. Он заставлял их бегать по грязи до тех пор, пока ноги не переставали слушаться, а потом — ещё круг. Он учил их разбирать автомат с закрытыми глазами, собирать его на время и не смотреть на таймер. Он не хвалил за успехи, но и не ругал за ошибки — просто заставлял повторять снова и снова, пока они не начинали делать это бездумно.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ГЛУХАЯ ТИШИНА

Второй месяц перестал быть просто тяжёлым — он стал другим. Тревожным. В нём появилась та самая неуловимая, колючая нотка, которая заставляла солдат на полигоне переглядываться друг с другом, когда никто не видел, и тихо перешёптываться в столовой, когда инструкторы отворачивались.

Пошли слухи. Сначала о том, что в штате Калифорния начались какие-то беспорядки. Потом — что часть бойцов, уже получивших звания, срочно отправляют туда. "На подавление", — говорили одни. "На эвакуацию", — шептали другие. Итан видел, как уезжают грузовики, набитые солдатами в полной экипировке. Как лица тех, кто оставался, становились всё более напряжёнными.

Телевизоры в казарме показывали только казённые сводки, без подробностей. От них веяло той самой официальной пустотой, которая всегда появляется, когда правду скрывают, пытаясь сохранить спокойствие. Итан смотрел на экран, где диктор монотонно говорил о стабильности, но видел в глазах соседей по койке то же беспокойство, что и у себя.

Картер стал появляться реже. Утром он мог провести построение, а к вечеру его уже заменял другой инструктор — такой же строгий, но чужой, не знающий их слабостей. Новый командир гонял их на полигоне без передышки, будто хотел выбить из них всё лишнее, оставить только мышцы и рефлексy. Итан бегал, стрелял, разбирал автомат, и в голове его крутилась одна и та же мысль: "Где Картер? Что там происходит?".

Телефонные звонки домой стали его спасательным кругом. Мать всегда поднимала трубку после второго гудка, и её голос, тихий и немного испуганный, успокаивал его лучше любого сна. Сестра — младшая, смешливая, с голосом, который звенел, как колокольчик, — рассказывала ему о школе, о друзьях, о том, как посадила цветы на балконе. Они спрашивали, когда он приедет, и он обещал, что скоро. Он не знал, когда это будет, но обещал.

Но к концу второго месяца он перестал звонить. Он был слишком уставшим — не просто физически, а до самого дна, до той чёрной усталости, когда даже поднять руку кажется подвигом. Он добирался до койки, закрывал глаза и проваливался в сон, в котором не было снов, только пустота и холод. Он просыпался по сирене, и каждый раз его встречал тот же серый, безликий день.

Он не заметил, как прошла неделя без звонков. Потом ещё одна. Он не хотел, чтобы они слышали в его голосе эту усталость. Он не хотел, чтобы они знали, как ему тяжело.

На пятнадцатый день второго месяца он, наконец, добрался до телефона. Стоял в очереди, переминаясь с ноги на ногу, и чувствовал, как внутри него поднимается тревога. Он набрал номер. Один гудок. Два. Три. Четыре. Он услышал голос, безличный и холодный, который сообщил, что абонент временно недоступен.

Он набрал снова. То же самое.

Он стоял, прижимая трубку к уху, и смотрел в стену, чувствуя, как внутри него разрастается странное, незнакомое чувство. Не страх. Не паника. Что-то глухое, тяжёлое, что он не мог назвать.

Он повесил трубку и пошёл обратно в казарму. Снаружи было тихо, но в этой тишине ему слышалось что-то другое. Звук, который он не мог описать, но который знал: мир, в котором он жил, начинал меняться, как будто кто-то двигал его изнутри. И в этом мире не было места для его матери и сестры. И для него самого.

Прошла ещё одна неделя. Медленная, вязкая, как грязь под сапогами. Итан почти не разговаривал с сослуживцами, он просто делал то, что приказывали, и возвращался в казарму, чтобы лечь лицом в стену и смотреть, как лунный свет ползёт по серому бетону. Он уже пере-

стал пытаться дозвониться домой. Что-то внутри него говорило, что это бесполезно. Что ответа не будет. И он боялся услышать то, что могло бы прозвучать вместо голоса матери.

А потом слухи дошли до них.

Это случилось утром, на построении. Офицер, который всегда говорил сухо и по делу, на этот раз вышел не с привычной папкой, а с листом бумаги, который он держал перед собой так, будто боялся, что тот рассыплется в руках. Он прочитал короткую сводку, но слова, которые он произносил, падали тяжело и звонко, как камни на бетон.

В Калифорнии — эпидемия. Массовые беспорядки. Сотни тысяч заражённых. Люди набрасываются друг на друга. Больницы переполнены. Власти не справляются. В нескольких штатах — военное положение. Многие города закрыты на карантин. Связь с некоторыми районами потеряна.

Итан слушал и чувствовал, как его желудок медленно сворачивается в узел. Он думал о матери. О сестре. О том, что его дом — в одном из тех городов, которые могли быть закрыты. Он пытался вспомнить, где они живут, мысленно провёл линию от базы до дома и понял, что не знает, что там сейчас. Не знает, живы ли они. Не знает, есть ли у них еда, вода, аптечка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.